

Глава из книги Сергея Павлова «Колыбельная для контрразведки»

ДОПРОС С ПОБЕГОМ

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПАВЛОВ известен по работе начальником управления информации и общественных связей городской администрации. Он кандидат педагогических наук, доцент. В прошлом году мы публиковали отрывки из его будущей книги «Колыбельная для контрразведки». Она вышла из печати, на днях прошла ее презентация. Предлагаем вниманию читателей одну из глав этой книги.

ВОЗВРАТИВШИЙСЯ после отдыха в Сочи Таранов был задержан инспектором угрозыска Свердловского РОВД Гусевым для дачи показаний по делу о происшествии на Свердловском проспекте.

Опытный оперативник, чтобы исключить контакт Таранова с членами бригады, дабы тот не успел получить информацию от них о гибели Туминкина, сопроводил его от вокзала до дома. И после того как Таранов вошел в квартиру, раздались звонки в дверь.

Гусев представился, показав красные «корочки», и предложил проехать в райотдел. На волевом лице по-спортивному сложенного Таранова появилась ухмылка неудовольствия.

— Это с какого такого перепугу я должен бросить все и, не отдохнувши с дороги, пуститься улаживать наши органы? — процедил он сквозь зубы.

Уже по дороге в РОВД Гусев понял, что не так-то просто придется с этим уверенным в себе красавцем, наверняка немало поджужавившим по жизни и самолубивым в доску.

Когда Гусев неожиданно поставил вопрос в лоб, острожно поинтересовавшись, для кого Таранов заказал сувенирные пластинки в Гаграх, Таранов без раздумий пояснил, что просто выполнил поручение отдыхающего вместе с ним товарища из Москвы, который заказал пластинки, а получить заказ попросил Таранова, раз он собирался в Гагры.

Вопрос же, для чего надо было шифер с крыши сбрасывать, чтобы уехать на следующий день в Сочи, вывел из равновесия до этого державшего себя в рамках Таранова. Он неподдельно возмутился, переходя на «ты».

— Не стоит пугу гнать, начальник. Говори, что надо. Я неплохо зарабатываю, цену бригаду. Как видишь, и располагаю деньгами, чтобы на юг слетать. Зачем мне государственное имущество портить?

Глаза его ехидно блеснули. И Гусев понял: этот легко не расколется. Одно из двух: либо он чист, либо непростой орешек и хорошо подготовился. Расчет на внезапность оказался непродуктивным.

Тогда Гусев перешел к варианту номер два, предложенному капитаном КГБ Ковровым и согласованному с начальником РОВД Стрельцовым. Инспектор поместил Таранова в изолятор временного содержания на трое суток, чтобы попытаться, используя подсадную утку, прошупать его. Одновременно Гусев передавал Таранова в руки следователя Кораблевой, которая через послабления и sentimentalность могла расположить к себе подозреваемого или по «халатности» и мягкости характера допустить побег его «по неопытности».

Кораблева свою задачу поняла. Она пригласила к концу третьих суток Таранова в следственный каби-

нет, готовясь тщательно провести допрос.

— Место для тех, кого у нас допрашивают, здесь, — следователь указала рукой на стул, не поднимая глаз.

Таранов, блеснув белизной ровных белых зубов, контрастирующих с бронзовым цветом лица, изобразил улыбку очарования.

— Не место красит человека. Место для меня ничто. А вот вы — совсем другое дело. С вами я готов на допрос... в шалаше, да и не только на допрос — и на многое другое. В общем, на все, что угодно.

Комплиментарный тон и необычность поведения не оставили равнодушной Кораблеву. Она не видела еще такого сильного мужчину в следственном кабинете, стоящего перед ней на коленях и говорящего со страстным порывом в голосе.

— Как бы вы ни изображали из себя поэтически настроенного героя, я все-таки должна перейти к прозе. Прошу вас присесть и ответить на мои вопросы.

Таранов встал, присел на стул, поближе подвинув его к Кораблевой.

— На ваши вопросы я хоть сейчас отвечу. А вот на вопросы этого ведомства, — он показал глазами на потолок, — у меня нет желания отвечать. Хотя вам и так все известно: нет, не был и не привлекался. Пока я холост, но в женщин все-таки влюблялся.

— Вот уже теплее, — заворковала Кораблева. — На этой ноте после вашего честного заявления, пожалуй, и начнем разговор по существу. И так с чего начнем?

— Начинайте с себя. Как зовут юного лейтенанта?

— Это не секрет, — тихо ответила она, — Ирина.

— Ирина Кораблева. Звучит как взрывчатка, — донесся звонкий голос Таранова.

— О взрывчатке чуть позже, а сейчас я тоже буду честна и задам прямой вопрос. Как могла произойти гибель этого человека на вашем объекте? — Она положила фотографию смертельно травмированного Туминкина.

— Пойдите, пойдите, пойдите! — затараторил удивленный и обескураженный Таранов, впившись глазами в фотографию. — Этого человека я не знаю, вернее, знал, нет, нет, видел. Я ему приглашение передавал посетить наш объект на стройке.

— Что, что? — округлила глаза следователь. Она спрашивала его осторожно, чтобы не спугнуть удачу. — Когда?

— Как когда? Пятнадцатого марта, — произнес Таранов, растягивая слова. — Как раз в день встречи, в понедельник. Я работал тогда последний день, а во вторник ушел в отпуск.

— Пока все сходится, — с удовлетворением отметила Кораблева, желая добиться во что бы то ни стало правдивых показаний от допрашиваемого.

— А что, может не сходиться? — в голосе Таранова появился металл.

— Не торопитесь проявлять возмущение. Я сейчас поясню, — мгновенно отозвалась Кораблева. — А пока ска-

жите, зачем вы назначили встречу покойному и знали ли вы его?

Таранов, перехватив вопрошающий взгляд следователя, поморщился и ответил не сразу. Он достал сигарету, спросил разрешения закурить. Пыхнул дымом и продолжил отвечать на вопросы следователя.

— Меня об этом попросил бригадир Смагин. Ростовчанину нужно было прийти к нам на стройку, чтобы посмотреть, как будут испытывать проложенные пластмассовые водопроводные трубы. В конце смены специалисты из стройлаборатории планировали провести испытание. Его это интересовало, потому что он должен был как снабженец заключить договор об их поставке в свой город. С ним я не был знаком. А бригадира попросил известить его об этом наш куратор — москвич из министерства, приезжавший инспектировать объекты. Он распределял квоты на поставку новых материалов.

— Понятно, — кивнула головой Кораблева. — А что вы на вокзале делали в этот же день? Именно здесь не все сходится. День-то ведь был вроде рабочий и время рабочее...

Он вскочил со стула, метнулся к стене, к окну, снова плюхнулся на стул и зло фыркнул:

— Ах, вы меня еще и пасли! Бессмыслица какая-то. Для чего? Что вы хотите мне пришить? Да, впрочем, все менты одинаковы! — он махнул рукой и замкнулся.

Не спуская с него озабоченного взгляда, она как можно мягче произнесла:

— Прошу вас, ответьте: что вы делали на вокзале? Речь идет о деле чрезвычайной важности. Я убеждена, вы способны повесть истину. Поверьте, и я открою вам карты. Тогда вы поймете всю важность и необходимость вашей помощи, пусть не нашему ведомству. Бог с ним. А правосудию. Ведь оно должно возторжествовать, когда погибло столько невинных людей.

При упоминании о гибели людей Таранов насторожился. Лицо его исказила гримаса, а на лбу выступила испарина. Он попросил лейтенанта открыть окно, и она выполнила просьбу.

— Что я делал? Что я делал? Во всяком случае, ничего такого, что могло вас озаботить и навести на криминальный след. Я в этот день выкупал билет на Сочи. На вокзале работает авиакасса, там я и оформлял заказ. Можете проверить.

— И это все? — пристально взглядываясь в глаза допрашиваемого, спросила изменившимся голосом Кораблева.

— Ну да! — Таранов внезапно умолк с приоткрытым ртом, глядя на нее с любопытством, а в следующий миг вскрикнул, хлопнув кулаком по ладони. — Да, вот еще что, вспомнил. По просьбе бригадира я забрал по пути портфель из камеры хранения. Можете, для вас это важно?

— Еще как! — Кораблева подняла брови, не скрывая своего нетерпения и интереса. — Если можно, с этого момента поподробнее.

— Как вам будет угодно. — Таранов почувствовал, как загорелись глаза лейтенанта, и понял, что ей это очень нужно. Но только до конца понять не мог, почему.

В этот момент он задумался. Мысли его вертелись вокруг этого совершенно безотчетного и как бы даже оторванного от допроса факта. «Забрал портфель. Передал портфель, ну и что?» — с недоумением подумал он. И тут вдруг его что-то кольнуло: он понял, на что следователь обратила внимание.

КОллаж Ирины Журавлевой

В нескольких эпизодах он выступал в качестве посредника, выполняя чьи-то поручения. Стечение ли это обстоятельств или что-то за этим стоит? Таранов решил разобраться с этим по ходу допроса, а пока решил удовлетворить интерес Кораблевой.

— Бригадир откликнулся на мою просьбу и отпустил меня с работы за билетом. Но попросил по пути забрать портфель и занести его знакомому... Ну и что здесь такого? Теперь я от вас жду откровений?

Мягкая и сентиментальная по характеру Кораблева, слывшая гуманистом в отношении к подследственным, решила, в предчувствии удачи, на откровение. С преувеличенной осторожностью, словно минер, она положила на стол фотографии с места взрыва автобуса.

— Вы даже не представляете, что уготовили нам преступники и какими жертвами это ЧП обернулось. — Она ждала реакции Таранова.

А он взял в руки фотографии, оторопел, а затем взвился, яростно проявляя негодование и возмущение.

— Лейтенант! Это что еще за ужасности такие? И почему вы меня преследуете? Ваши уловки не для меня. Я вам не кукла, чтобы дергать за ниточки. Со мной номер не пройдет.

И вот тут Кораблева вновь решила на откровение.

— Гибель людей связана с терактом. И дело в том, что взрывчатка, заложенная под заднее сиденье автобуса, находилась в черном портфеле. Вот на чем основан наш интерес, связанный с любой информацией или фактом по этому делу. — Она глубоко вздохнула: вот мое откровение, надеюсь, оно пропорционально вашему.

На какое-то мгновение Таранов остолбенел от неожиданности. Увиденное показалось ему таким диким, чудовищным, что он даже не знал, что и сказать на это. Но уже в следующий миг до него стало доходить, в чем тут дело. Теперь ему стал понятен смысл «претензий» к нему следственных органов. Очевидно, его подозревают.

— История печальная, и новости, сообщенные вами, — тоже. Какую это может вызвать реакцию, кроме шока, не знаю. Только вот я здесь при чем? Не понимаю.

— Я и хотела, чтоб мы вместе разобрались. Ну, что же вы молчите? — раздался голос Кораблевой.

— Неужели меня подставили? Конечно! — выкрикнул он, смотря куда-то в пустоту.

— Пока это догадка, — охладил его Кораблева. — Она может быть ошибкой и требует проверки. Мы могли бы помочь вам.

— Обойдусь без вашей помощи и

советов, — сухо прервал ее Таранов.

В событиях, в которые он оказался невольно вовлеченным, прослеживалась определенная закономерность, не исключая, а напротив, предполагающая наличие связи между ними. В том и другом случае он исполнял роль посредника, которого попросили передать приглашение одному человеку, а взятый из камеры хранения портфель — другому. Что здесь криминального?

Однако погибли люди. Роковое стечение или спланированная акция? Чертовщина какая-то, да и только! Хотя вот еще что: сувенирные пластинки, которые он получил в Гаграх и отправил в Минск. Ими интересовался старший лейтенант Гусев. И опять же услуга по просьбе москвича. Развели как лоха. И использовали как одноразовую посуду...

«А может, я зря нагнетаю?» Таранов хотелось ухватиться, как водится в этих случаях, за соломинку. Неужели не ясно, что все шито белыми нитками. Но поди докажи, гибель людей — трагедия более чем серьезная. Его пронзила тоска, смешанная с чувством вины.

— Вот это вляпался! — выкрикнул признание Таранов.

— Поймите же вы, — начала было втолковывать Таранову Кораблева, — только сотрудничество с нами позволит вам развязать этот узел.

— Понятия не имею, в чем моя вина?

Постепенно он обрел контроль над собой и решил прибегнуть к дерзкому поступку — побегу. Вскочив на подоконник, Таранов спрыгнул вниз, крикнув Кораблевой:

— Я сам разрублю этот узел. И вы еще узнаете, на что я способен.

Растерявшаяся сначала Кораблева нажала инстинктивно несколько раз на кнопку вызова конвоира, но безрезультатно. Он не появлялся. А когда она взглянула на провод, ей все стало ясно. Во время допроса Таранов, очевидно, сумел незаметно приставить сигарету к нему, чтобы пережечь. А потом с помощью скрепки замкнуть его. Поэтому на вызов конвоира не реагировал. Но молодой следователь не очень расстроилась из-за побега, скорее, наоборот, облегченно вздохнула.

Такой вариант, предложенный капитаном госбезопасности Ковровым, предусматривался как один из возможных...

Она встала из-за стола, удовлетворенная от сопричастности к небольшому вкладу в оперативную многоступенчатую игру, которая, как ей казалось, имела для крестов большое значение.